

Социальные парадоксы отечественного политического абсентеизма

О. Л. Лейбович

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия
oleg.leibov@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Россия
1990-е годы
политический абсентеизм
социологические концепции
урбанизм
социальная структура
социокультурный генезис
приватные и публичные
практики

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности постсоветского политического абсентеизма 1990-х гг. как исторически обусловленного социокультурного феномена в современных обществах: его генезис, содержание, социологические интерпретации в отечественной и зарубежной (преимущественно французской) литературе. Для анализа отечественного абсентеизма привлекаются материалы панельных исследований, проведённых автором в составе научного коллектива в г. Перми в 1993–2006 гг. В статье представлены подходы к изучению абсентеизма в Европе и России, обосновывается тезис об общности представлений различных научных школ о его социальной характеристики. Доминирует мнение о том, что политический абсентеизм представляет собой побочное явление социальной, экономической и культурной поляризации в современных обществах. В нем обнаруживаются одновременно настроения социального протesta, занятость решением житейских проблем и несовпадение демократических процедур культурным запросам современной молодёжи. Автор полемизирует с тезисом об идентичности происхождения и содержания постсоветского абсентеизма с западноевропейским, предъявляя следующие аргументы: иные исторические институциональные условия его генезиса (из советской избирательной системы); доминирование абсентеизма сверху над абсентеизмом снизу; разочарование в демократических процедурах. Отечественный абсентеизм рассматривается как один из способов социального самоопределения формирующихся буржуазных классов, как инструмент социальной стратификации в российском обществе. «Новые русские люди» таким образом прокладывали защитную полосу между собой и прочим населением, отказываясь участвовать в уравнительных политических процедурах. Абсентеизм сверху предполагает доминирование приватных практик в предъявлении и защите личных и корпоративных интересов перед лицом власти, деформацию и сужение публичного политического пространства, эрозию политического языка. Как любой культурный феномен, возникший в элитарном сообществе, политический абсентеизм распространяется и на низшие страты, становится элементом молодёжных субкультур. Абсентеизм 1990-х гг. принадлежит истории; его эволюция требует дополнительного изучения.

Для цитирования:

Лейбович, О. Л. (2025). Социальные парадоксы отечественного политического абсентеизма. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 5(2), 186–198. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(2\)-186-198](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(2)-186-198)

Social paradoxes of domestic political absenteeism

Oleg Leibovich

Perm State Institute of Culture, Perm, Russia
oleg.leibov@gmail.com

KEYWORDS

Russia
1990s
political absenteeism
sociological concepts
urbanism
social structure
socio-cultural genesis
private and public practices

ABSTRACT

The article examines the characteristics of post-Soviet political absenteeism in the 1990s as a historically conditioned sociocultural phenomenon in contemporary societies: its genesis, content, and sociological interpretations in domestic and foreign (primarily French) literature. To analyze domestic absenteeism, the article draws on panel studies conducted by the author as part of a research team in Perm from 1993 to 2006. The article presents approaches to studying absenteeism in Europe and Russia and substantiates the thesis that different scientific schools share common views on its social characteristics. The prevailing opinion is that political absenteeism is a side effect of social, economic, and cultural polarization in modern societies. It reflects social protest, preoccupation with everyday problems, and a mismatch between democratic procedures and the artistic demands of contemporary youth. The author argues against the thesis that the origins and content of post-Soviet absenteeism are identical to those in Western Europe, presenting the following arguments: different historical institutional conditions of its genesis (from the Soviet electoral system); the dominance of absenteeism from above over absenteeism from below; disappointment in democratic procedures. Russian absenteeism is seen as both a form of social self-determination for the emerging bourgeois classes and an instrument of social stratification in Russian society. The 'new Russians' thus created a protective barrier between themselves and the rest of the population by refusing to participate in egalitarian political procedures. Absenteeism from above implies the dominance of private practices in the presentation and protection of personal and corporate interests in the face of authority, the deformation and narrowing of the public political space, and the erosion of political language. Like any cultural phenomenon that originated in an elite community, political absenteeism spreads to lower strata and becomes part of youth subcultures. The absenteeism of the 1990s belongs to history; its evolution requires further study.

For citation:

Leibovich, O. L. (2025). Social paradoxes of domestic political absenteeism. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 5(2), 186–198. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(2\)-186-198](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(2)-186-198)

Введение

В 1969 г. влиятельный Центр социально-политических исследований и информации (CRISP) выпустил в свет тематический бюллетень «Политический абсентеизм», представив своим читателям новую социологическую концепцию: её предмет, метод, ключевые термины. На первых страницах анонимные авторы статьи разъяснили, что это слово означает «как правило, добровольное воздержание от какой-либо активности», причём «воздержание вредное, по крайней мере, этиологически» (*L'absentéisme politique*, 1969, р. 2). Прежде в ходу были более простые определения, описывающие странное поведение избирателя в момент выборов: «Абстиненция – это участие в голосовании, но не голосование ни за, ни против» (Fromont, 1961, р. 492). При этом сам термин был заимствован из медицинского словаря.

С тех пор некогда новое слово «абсентеизм» вошло и в активный медийный словарь, и в тезаурус политической социологии, переведя в разряд устаревших свои прежние значения: пребывание в нетях императорских вассалов во времена Каролингов и «привычку британских землевладельцев проживать за пределами ирландских владений» в более позднюю эпоху (Robert, 1953, р. 17). Завоеватели (неманцы) расселились в поместьях, владельцами которых они стали. Находясь на большом расстоянии от центра общественных дел, они вскоре потеряли из виду собрания на Марсовом поле и пренебрегли посещением (Prelot, 1935, р. 83). В результате был нанесён ущерб сельскому хозяйству Ирландии, «потому что в отсутствие своих хозяев управляющие не могли или не осмеливались брать на себя ответственность за меры, которые могли бы увеличить производство или хотя бы не истощать почву» (*L'absentéisme politique*, 1969, р. 2).

Обновлению языка предшествуют какие-то события, ранее либо незаметные, либо незначительные с точки зрения наблюдателей и, возможно, причастных к ним отдельных лиц либо сообществ. Политический абсентеизм и производные от него слова: «абстиненция», «абсентеисты» – не являются исключением. Включение их в медийный словарь было способом описания массовых отказов от участия в выборах в западных обществах: «Абстиненция непрерывно растёт с 1980-х годов, что уже получило своё имя “феномен абстиненции”. Она ставит под сомнение легитимность избранных должностных лиц и свидетельствует о расступающем разрыве между гражданами и их политическими лидерами» (Quelle, 2022).

Что касается академической социологии, то у концепта политического абсентеизма можно обнаружить несколько источников. Здесь и журналистские попытки каким-то образом объяснить уход от политики прежде активных граждан, и собственные наблюдения за ходом выборов, но также и обращение к новым теоретическим моделям, сформулированным на языке современной политологии.

I. Теоретические основания исследования политического абсентеизма

Речь идёт о типологии гражданской политической культуры, вошедшей в историю науки под именем концепции партиципации. «Под партиципацией в строгом смысле слова следует понимать вовлечение людей в деятельность существующих организаций, как формальных, так и неформальных» (Яницкий, 1992, с. 32). Современное общество неоднородно, в том числе и по своим культурным установкам. Даже люди, осознающие себя гражданами и готовые приобщиться к

политическим акциям, представляют собой «смесь участнических, подданныческих и парохиальных ориентаций, а гражданская культура есть особая смесь граждан, подданных и парохиалов» (Алмонд & Верба, 2010а, с. 137).

В модернизирующихся обществах культурный раскол проходит по линиям: город – деревня; гражданская культура – культура традиционная. «Если использовать введённую ранее терминологию, гражданская культура – это участническая политическая культура, где политическая культура конгруэнтна политической структуре» (Алмонд & Верба, 2010б, с. 211). Современные общества нестабильны, демократические институты могут быть неэффективными или казаться таковыми, что порождает «среди демократически настроенной части населения тенденции к отчуждению. В целом этот вид политико-культурного тупика может породить синдром, включающий в себя как идеалистическое стремление к участию в политике, так и отчуждение от политической системы, в том числе от политических партий, групп интересов и средств массовой информации» (Алмонд & Верба, 2010а, с. 142).

Внимательные читатели трудов Г. Алмонда и С. Вербы из социологического сообщества могли прийти к самостоятельному выводу, что гражданская культура участия представляет собой лишь одну сторону городской политической культуры; но есть и вторая – культура неучастия, культура абсентеизма. И следует искать её социальные и исторические корни, продумать систему понятий, исследовательских методов и гипотез.

Концепция абсентеизма вошла в учебники, а нежелание заниматься какой бы то ни было политикой – в повседневную жизнь значительной части городского населения. Историки пишут о завершении векового периода борьбы европейских граждан и гражданок за политические права: «Отлучение рабочих от политики в 1832 г. стимулировало поразительную мобилизацию рабочего класса чартистами (1838–1848 гг.), выдвинувшими почти всецело политическую программу: избирательное право для мужчин, ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, отмена имущественных цензов для членов парламента, жалованье для членов парламента и равные избирательные округа. Прошло ещё почти столетие, прежде чем чартистская программа стала юридической реальностью» (Тилли, 2010, с. 255).

Юридической, но отнюдь не социальной. Множество людей в демократических обществах осознанно игнорируют свои политические, в том числе электоральные права, предпочитая в день выборов оставаться дома, не желая жертвовать своим свободным временем. «В период с 1992 по 2005 год всё меньше канадцев посвящали своё время помочь членам своих сообществ или поддержке каких-либо дел в рамках общественных, политических или активистских организаций» (Gaudet, 2012).

II. Современные интерпретации политического абсентеизма

В современной социологической литературе тема политического абсентеизма представлена во множестве интерпретаций, соответствующих парадигмальным подходам авторов. Среди них мы обнаружим и авторитетных академических исследователей, и студентов, опубликовавших свои первые, во многом компилятивные работы. Но все они сходятся в некоторых пунктах:

Абсентеизм является распространённым в современных обществах социальным явлением. «Если говорить об абсолютных величинах, то не желают ходить на выборы миллионы европейцев. Скоро таковых будет четверть от всего населения,

имеющего право голоса. В США эта тенденция проявляется ещё ярче. Электоральный абсентеизм становится на Западе главным политическим течением, но об этом никто не говорит» (Ван Рейбрюк, 2013, с. 9).

Абсентеизм – явление не случайное; он представляет собой нечто производное от глобальных социально-политических и социокультурных процессов современности (Бирюков, 2018).

Его самой распространённой формой является абсентеизм электоральный, что расценивается как «достаточно актуальная проблема в сфере политики» (Старыш, 2022, с. 6982). По своей природе «электоральный абсентеизм – это сложное и многомерное явление», не поддающееся однозначной оценке (Бушенева, 2007, с. 3).

В абсентеизме обнаруживает себя социальное неравенство: «электоральная социология с самого начала указывает на роль культурных и социальных факторов в политическом участии; степень интереса к политике зависит от возраста, уровня образования, профессиональной деятельности и дохода» (Arslan, 2016, р. 35). В действительности, замечает французский социолог, в его стране «граждане не равны в политике» (Framont, 2017).

Среди абсентеистов преобладают молодые люди: «их меньше волнуют выборы и обсуждаемые на них вопросы. Они не ожидают, что государство, а значит, и выборы, будут играть ведущую роль в решении тех вопросов, которые волнуют их больше всего» (Pare, 2018).

Дальнейшее распространение абсентеизма угрожает демократическим институтам: «Абсентеизм как акт электорального отказа, уход граждан от политической жизни можно считать прямым вызовом демократизации» (Гаврилюк, 2022, с. 79).

Абсентеизм в Российской Федерации по своей природе и проявлениям подобен, если не идентичен, европейским и североамериканским практикам.

III. Отечественные интерпретации постсоветского абсентеизма

В отечественной социологии первоначально истоки политического абсентеизма рассматривались в двух измерениях: либо как разочарование в постсоветских реформах и институтах, либо как культурная неготовность к демократическим практикам.

«Вместо обещанной идиллической картины процветающей рыночной экономики российские граждане узрели жуткую реальность бесконтрольного расхищения государственного имущества, созданного трудом многих поколений, группой супербогачей-олигархов и узкой прослойкой государственной бюрократии. Общество столкнулось с вопиющим социальным неравенством. Индивид оказался одиноким и беззащитным перед лицом дикого рынка и бездушной бюрократии» (Галкин, 2004, с. 37). Иначе говоря, по одной из версий, электоральный абсентеизм является протестным ответом «низов» постсоветского общества на классовое и политическое неравенство, допущенную к ним социальную несправедливость. Граждане 1990-х гг., стало быть, вели себя в день выборов как жители неблагополучных кварталов в городах Франции, на политкорректном языке нового времени именуемых приоритетными округами для реализации городской политики: Quartiers Prioritaires de la Politique de la Ville (QPV).

Во Франции приоритетный округ городской политики (QPV) – это городская территория, выделенная по социально-экономическим критериям, на неё направлены усилия по сокращению неравенства и улучшению условий жизни жителей. «Эти территории, часто характеризующиеся уровнем жизни ниже среднего,

являются основной целью городской политики, направленной на обеспечение политического равенства и социальной сплочённости» (Quartiers, 2025). Так в г. Лионе, например, в таких округах проживали в 2019 г. 158830 жителей, то есть 11% всего населения (Gomben, 2023).

Проживающие в них избиратели голосуют реже, чем жители более благополучных кварталов: «Это основная характеристика избирательного поведения в таких районах. Так, во время первого тура президентских выборов 2017 года явка составила 38,4% от числа зарегистрированных избирателей, против 22,9% по всей метрополии. Разница остаётся примерно такой же и в других турах выборов» (Gomben, 2023).

О реальной ситуации в городских избирательных округах в РФ речь пойдёт позже, пока же мы остановимся на втором, назовём его историко-культурным, гипотетическом основании абсентеизма. Читаем: «Либеральные ценности законодательно были превращены в нормы повседневной жизни неадаптированного к ним общества» (Бородич, 2003, с. 173). В результате люди не знают, зачем голосовать, как сделать выбор, как разобраться в избирательной механике и пр.: «Проблема политического абсентеизма в России стоит так остро в основном из-за отсутствия электоральной культуры у населения, а также грамотной просветительской и образовательной работы среди него» (Малышева, 2019, с. 37).

Было бы недопустимым легкомыслием отнести к подобным высказываниям только как к шуму ушедшего времени – времени бесплодных дебатов на тему советского человека как особого антропологического вида. «Человек советский – человек массовый (“как и все”), деиндивидуализированный, противостоящий всему элитному и уникальному, “прозрачный” (то есть доступный контролю сверху), примитивный в отношении своих возможностей (существующий минимум), постоянно создающий и продолжающий оставаться неизменным и легко изменяемым, управляемый (де-факто подчиняется примитивному административному механизму» (Lewada, 1992, с. 9).

С этим суждением полемизировала немецкий социолог Ингрид Освальд, утверждавшая, что граждане РФ в реальности далеки от распространённой на Западе одномерной схемы «простого советского человека», не способного адаптироваться к новым ситуациям. «“Гомо советикус”, если он вообще существовал, оказался способен к обучению – и, следовательно, по определению уже не был таким» (Oswald, 1996, с. 672). За гневными или разочарованными высказываниями угадывается вполне реальная проблема: как относятся советские и постсоветские электоральные практики, что ожидается от избирателя и что ожидает избиратель. Какие техники публичного голосования он освоил в прежнюю эпоху и как он их адаптировал (либо не адаптировал) к эпохе новой.

IV. Советские электоральные традиции как предпосылка постсоветского абсентеизма

Прежде всего, на советских избирательных участках происходило соревнование не между альтернативными кандидатами (в избирательном бюллетене была одна фамилия), но между агитаторами, ответственными за явку избирателей. Перед первыми выборами в Верховный Совет СССР среди горожан ещё существовали иллюзии, касающиеся выдвижения кандидатов и соперничества между ними.

Партийные активисты в г. Перми жаловались, что некоторые несознательные граждане сомневаются, справедливые ли это выборы: «Есть опасение, что у нас в рабочем посёлке будут враждебные попытки. Возьмите, например, такой вопрос элементарный, когда задают: почему в бюллетене осталось по одному кандидату, какое это тайное голосование. Кто же задаёт такой вопрос, понятно, если недостаточно развитый, ему надо разъяснить. Если развитый, то значит это посланный врагами, или враг, чтобы сорвать голосование»¹.

В первые 15 лет действовало негласное правило: все избиратели должны были опустить бюллетени в урны до полудня. В 1950 г. агитатор со стажем жаловался на несознательную супругу бухгалтера, по всей вероятности, домохозяйку; та никак не соглашалась утром сходить на избирательный участок: «Во время выборов в РСФСР жена бухгалтера Захарова дважды меня изругала. Накануне выборов я прихожу и спрашиваю, во сколько вы можете прийти; одни говорят в 6, 7, 8, я записываю, не пришёл вовремя, иду проверить, может, болен, уехал; и вот прихожу к Захаровой, стучу; она спрашивает, кто там; я говорю: Васин; она говорит: “Чёрт вас носит, я ещё суп не сварила” и двери не открыла»².

Если первоначально процедуру выборов обставляли как новый советский праздник: оркестры, флаги, транспаранты, буфеты, бесплатный киносеанс, концерты, выходная одежда, украшенная сбруя на лошадях и пр., то в последние десятилетия выборы превратились в скучный ритуал, растянутый во времени. Сама процедура голосования была упрощена до минимума: посетить избирательный участок, предъявить паспорт, взять бюллетень и опустить его в урну.

Между тем их социальная функция — организация обратной связи между населением и властями, преимущественно местными, сохранялась. Во время избирательной кампании агитаторы собирали жалобы и предложения: увеличить ассортимент в продовольственных магазинах, обязать жилищно-коммунальную контору вовремя произвести ремонт подъезда, напомнить об остановившейся очереди на жильё, помочь устроить ребёнка в близлежащий детский сад. Агитаторы передавали запросы начальству, иной раз заискивающе, иной раз требовательно: «В Молотовском районе люди сидят без воды, колодцы завалились. Сигналы поступили в райком и райисполком, а кто принял какие меры, чтобы поправить это дело? На второй Вышке, тов. Павлюкевич, как на Северном полюсе, люди снег растапливают, чтобы водой себя обеспечить. В Окуловском посёлке, кроме хлеба, колбасы и водки, в магазине ничего нет. Есть только выпить и закусить, а сварить кашу не из чего»³. Одним из побочных эффектов такой организации избирательной кампании было спонтанное делегирование собственных интересов и ожиданий властным структурам, чаще всего местным.

В обновлённой избирательной системе, конституционно оформленной в 1993 г., на избирателя возлагали обязанность сделать выбор между партиями, объединениями и лицами, научиться отличать одних кандидатов от других, выработать для себя критерии оценки людей и политических организаций, найти свободное время для знакомства с информационными (рекламными) материалами, правильно заполнить избирательный бюллетень. Здесь явно присутствовал расчёт на гражданскую добродетель избирателей, между тем как она зависела от политической и хозяйственной конъюнктуры.

¹ ПермГАСПИ. Ф. 231. Д. 12. Л. 35, 57.

² ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 553. Л. 110.

³ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 552. Л. 25.

V. Эмпирические данные: абсентеизм сверху в постсоветской России

Кратковременные вспышки политической активности сменялись, по выражению А. М. Горького, угасанием социальных настроений: «Нет, упадок социальных эмоций обывателя я объясняю тем, что, как только орган, явно немощный и неспособный к политическому творчеству, начал работать, — обыватель немедленно возложил на него все свои надежды и чаяния, тотчас же снял с себя ответственность за всё дальнейшее и успокоился в привычном тоне дрянненького русского нигилизма» (Горький, 2016, с. 260).

Если следовать отработанным в Европе схемам, то на постсоветские выборы должны приходить в массе образованные, интеллигентные, обеспеченные граждане, своего рода победители. Беднеющие, растерянные, дезориентированные, побеждённые, прежде всего — люди старшего поколения, т. н. бюджетники, пауперизированные инженеры и промышленные рабочие должны были бы остаться дома. Однако социологическое наблюдение за избирательной активностью эту, казалось бы, убедительную гипотезу отнюдь не подтвердило:

«В целом проведённый анализ свидетельствует о том, что на основе оценки социально-демографических и экономических факторов можно строить предположения относительно ожидаемой активности избирателей: чем больше в регионе доля городского русского населения трудоспособного возраста и чем выше там благосостояние жителей, тем ниже будет явка на выборы» (Гудина, 2003, с. 120).

Социологические исследования, выполненные научными сотрудниками кафедры культурологии Пермского национального политехнического института в 1995–2006 гг. в рамках проекта «Городской избиратель», свидетельствовали о том же самом. Панельные социологические исследования проводились по квотной выборке (пол, возраст, образование, профессиональная занятость, уровень доходов). Всего было опрошено 9849 человек. Дополнительным источником служили публикации в местной печати. В проекте участвовали проф. О. Лейбович (руководитель), А. Н. Кабацков, Н. В. Шушкова (научные сотрудники).

В т. н. «элитных домах» выборы игнорировали до 90% зарегистрированных избирателей; жители шлакоблочных домов, построенных в годы первых пятилеток, приходили на избирательные участки едва ли не в полном составе. В беседах с наблюдателями из числа студентов явственно прослушивались отголоски пережитого ими культурного шока. Они никогда не видели столько старых, немощных, плохо одетых, даже истощённых людей, целенаправленно идущих голосовать за одного из кандидатов.

В день выборов случайные прохожие могли увидеть эти парады бедности перед избирательными участками. Надо признать, что это зрелище отнюдь не способствовало желанию более благополучных горожан встать с ними в общую очередь перед избирательными кабинками. В одном из интервью, взятом у местного предпринимателя, на вопрос, что сделать, чтобы его соседи по подъезду приходили на выборы, последовал ответ: «Надо, чтобы правительство учредило особый фонд, который бы скупал избирательные права у бедняков, а затем продавал бы нуждающимся в политическом влиянии достойным гражданам. Тогда и подкупа не будет, и врат на выборах будут меньше» (Интервью с В. П., 11 апреля 2004, г. Пермь).

VI. Абсентеизм сверху как стратегия социальной стратификации

Представляется, что в этом высказывании мы обнаружили социальный ключ к постсоветскому абсентеизму сверху: люди, завоевавшие и сохранявшие в 1990-е гг. буржуазный статус, относились к избирательным процедурам как к игре для бедных – игре сомнительной с точки зрения морали, неконструктивной, наполненной манипулятивными практиками, серым и чёрным пиаром.

Тем более что статус их не был в достаточной степени институционализирован, он также был обединён с точки зрения актуализированного в нём культурного капитала, семантически ущербен (в ходу были слова: «частник», «спекулянт», «бандит», или «новый русский»). В такой культурной ситуации в круге людей, принадлежавших к городскому истеблишменту, формировалось, а затем и усиливалось стремление к дистанцированию от общественных низов, своего рода социальной сегрегации навыворот.

Для верхних 5 тыс. семейств (по нашим расчётам, они и составляли высшую социальную страту в городском среднем классе на рубеже 1990–2000 гг.) избирательный абсентеизм представлял собой одну из стратегий социальной стратификации. Они выстраивали собственное социальное «Я», отгораживаясь от иных городских сообществ не только железными дверями подъездов и запертymi воротами т. н. придомовых территорий, но и чуждались массовых низовых практик.

Социальная роль избирателя для пермских буржуа не была ни престижной, ни эффективной. Голос предпринимателя уравновешивался голосом домохозяйки или пенсионера. Избирательный акт не давал ему символической прибыли, более того, он понижал приобретённый социальный статус, низводя до уровня рядового горожанина. Пермские буржуа использовали отработанные в советскую эпоху конвенциональные методы взаимодействия с властными институтами, выстраивая партикулярные отношения с должностными лицами, обмениваясь услугами по принятым схемам. Они предпочитали решать свои проблемы с властью частным путём, на основании обычного права. Те же из предпринимателей, кто вопреки общественному мнению проявлял политическую активность, не рассчитывал на поддержку со стороны социально близких ему сограждан. Чтобы победить на выборах, он зачастую играл «в красном углу» поля, мимикрируя под сына рабочего, рядового инженера, борца за народное дело, человека, сохранившего верность комсомольским идеалам юности, идущего во власть «работать», либо «заботиться о нуждах простых пермяков, в особенности ветеранов труда».

На самом деле кандидаты в депутаты обменивали финансовые ресурсы на символический капитал – принадлежность к избранному «клубу господ», если воспользоваться калькой с немецкого «Herrenklub».

VII. Языковые и поведенческие парадоксы постсоветского абсентеизма

Вербальные практики отставали от политических, а тем более от повседневных, что тогда вводило в заблуждение социологов, делавших попытки спрогнозировать результаты голосования. Перед выборами будущие абсентеисты в подавляющем большинстве объявляли о своём намерении прийти в воскресенье на избирательный участок.

В ходе послевыборных интервью с «отказниками» выяснилось, что они неохотно признавались в том, что пропустили акт голосования, а затем находили объяснения, как правило, домашней занятостью. В коллективном сознании горожан советских поколений неучастие в выборах было предосудительным поступком — и потому требовало оправданий из области повседневной, не политической жизни.

Таким образом, верхушечный на уровне городского сообщества политический абсентеизм 1990-х гг. был своего рода агрегатным образованием из спонтанно формирующихся практик социальной стратификации, набиравшей обороты приватизации публичной жизни и эрозии демократических процедур в мире политики. Он сложился в ситуации, в которой социальные городские низы искали и находили в электоральных процедурах своего рода компенсацию падению уровня жизни и утраты социальных достижений уходившей эпохи.

Заключение

Анализ постсоветского политического абсентеизма 1990-х годов выявляет его принципиальное отличие от западноевропейских моделей. Российский абсентеизм характеризовался парадоксальной инверсией социальных практик: не социальные низы, как в Европе, но формирующиеся элиты демонстративно избегали участия в электоральных процессах.

Этот феномен следует интерпретировать как одну из стратегий социального самоопределения нарождающегося буржуазного класса в условиях неустоявшихся институциональных рамок и культурной легитимности. Абсентеизм сверху выполнял функцию социального маркера, позволявшего дистанцироваться от массовых практик и утверждать альтернативные каналы взаимодействия с властью.

Доминирование приватных практик над публичными в сфере политического участия привело к деформации демократических процедур и сужению публичного пространства. Как любой культурный феномен элитарного происхождения, абсентеизм постепенно распространялся на нижележащие социальные страты, становясь элементом молодёжных субкультур и обыденного сознания.

Постсоветский абсентеизм 1990-х годов представляет собой исторически завершенный феномен, однако его анализ важен для понимания механизмов формирования политических культур в переходных обществах. Дальнейшее исследование эволюции этого явления в последующие десятилетия составляет актуальную задачу современной политической социологии.

Библиография

- Алмонд, Г. А., & Верба, С. (2010а). Гражданская культура: подход к изучению политической культуры (I). *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 2(57), 122–144.
- Алмонд, Г. А., & Верба, С. (2010б). Гражданская культура: подход к изучению политической культуры (II). *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 3–4(58–59), 207–221.
- Бирюков, С. В., Кисляков, М. М., Щеглова, Д. В., & Прокопенко, С. А. (2018). Электоральный абсентеизм в контексте современных социально-политических трансформаций. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 43, 171–180.
- Бородич, В. Ф. (2003). Политическая трансформация в России и Китае и тоталитаризм: опыт сравнительного анализа. В *Горбачевские чтения: проблемы внешней*

- политики М. С. Горбачева. *Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего* (сс. 169–177). Горбачев-Фонд.
- Бушенева, Ю. И. (2007). Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург.
- Ван Рейбрюк, Д. (2013). *Против выборов* (пер.). Ад Маргинем Пресс.
- Гаврилюк, Д. Ю. (2022). Специфика феномена абсентеизма как следствие кризиса доверия к политическим институтам Украины. *Современная Европа*, 3, 76–91.
- Галкин, А. А. (2004). Выбор России и выбор интеллигенции. В *Горбачевские чтения: становление демократии в современной России: от Горбачева до Путина* (сс. 36–40). Горбачев Фонд.
- Горький, А. М. (2016). О дураках и прочем. В *Красный Горький: избранные статьи (1895–1917)* (сс. 245–262). Common Place.
- Гудина, Ю. В. (2003). Активность российских избирателей: теоретические модели и практика. *Полис. Политические исследования*, 1, 112–122.
- Малышева, Н., & Верещагина, М. (2019). Абсентеизм в современной России: проблемы и пути его решения. *Иновационные технологии управления и права*, 3(26), 34–38.
- Старыш, А. Р. (2022). Политический абсентеизм как форма политического участия. *StudNet*, 6, 6975–6984.
- Тилли, Ч. (2010). *Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.* Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики.
- Яницкий, О. Н. (1992). Развитие экологических движений на Западе и Востоке Европы. *Социологические исследования*, 1, 32–39.
- Arslan, L. (2016). Le revers des inégalités : des citoyens sans cité ? Entre retrait et nouvelles participations. *Après-demain*, 2(38), 35–37.
- Fromont, M. (1961). L'abstention de vote dans les organisations internationales. *Annuaire français de droit international*, 7, 492–523.
- Framont, N. (2017, avril 19). *La politique possible pour tous. Observatoire des inégalités.* <https://www.inegalites.fr/La-politique-possible-pour-tous>.
- Gaudet, S. (2012). Lire les inégalités à travers les pratiques de participation sociale. *SociologieS*. <https://journals.openedition.org/sociologies/3874>
- Gombin, J., & Thierry, D. (2023). *Participation électorale des QPV : que nous disent les résultats des scrutins nationaux ?* <https://www.millenaire3.com/>
- L'absentéisme politique (1969). *Courrier hebdomadaire du CRISP*, 429(3), 1–26.
- Lewada, J. (1992). *Die Sowjetmenschen 1989–1991. Soziogramm eines Zerfalls*. Argon.
- Oswald, I. (1996). Über die Wandersage vom «homo sovieticus». In Clausen (Hrsg.), *Gesellschaften im Umbruch* (pp. 661–673). Campus Verlag.
- Paré, I. (2018, Septembre 23). *L'abstention, deux points de vue*. Le Devoir.
- Prelot, M. (1935). Absentéisme. In *Dictionnaire de sociologie*. Vol. II (p. 83). Librairie Letouzey et Ané.
- Quartiers prioritaires de la politique de la ville (2025). INSEE. <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c2114>
- Quelle est la signification de l'abstention? (2022, Juin 21). Vie publique. <https://www.vie-publique.fr/fiches/23958-quelle-est-la-signification-de-labstention>
- Robert, P. (1953). *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Presses Universitaires de France.

References

- Almond, G. A., & Verba, S. (2010a). The Civic culture: an approach to political culture (I). *Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy, and the Sociology of Politics*, 2(57), 122–144. (In Russian).
- Almond, G. A., & Verba, S. (2010b). The Civic culture: an approach to political culture (II). *Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy, and the Sociology of Politics*, 3-4(58-59), 207–221. (In Russian).
- Arslan, L. (2016). Le revers des inégalités : des citoyens sans cité ? Entre retrait et nouvelles participations. *Après-demain*, 2(38), 35–37.
- Biryukov, S. V., Kislyakov, M. M., Shcheglova, D. V., & Prokopenko, S. A. Electoral absenteeism in the context of contemporary socio-political transformations. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 43, 171–180. (In Russian).
- Borodich, V. F. (2003). Political transformation in Russia and China and totalitarianism: An essay on comparative analysis. In *Gorbachev readings: problems of M. S. Gorbachev's foreign policy. Perestroika as an experience of overcoming totalitarianism: conclusions for the future* (pp. 169–177). Gorbachev Foundation. (In Russian).
- Busheneva, Yu. I. (2007). *Absenteeism as a factor in the electoral process in modern Russia: Thesis abstract for the degree of Cand. Sci. in Political Science*. St. Petersburg.
- Framont, N. (2017, avril 19). *La politique possible pour tous. Observatoire des inégalités*. <https://www.inegalites.fr/La-politique-possible-pour-tous>.
- Fromont, M. (1961). L'abstention de vote dans les organisations internationales. *Annuaire français de droit international*, 7, 492–523.
- Galkin, A. A. (2004). The choice of Russia and the choice of the intelligentsia. In *Gorbachev readings: the establishment of democracy in modern Russia: from Gorbachev to Putin* (pp. 36–40). Gorbachev Foundation. (In Russian).
- Gaudet, S. (2012). Lire les inégalités à travers les pratiques de participation sociale. *SociologieS*. <https://journals.openedition.org/sociologies/3874>
- Gombin, J., & Thierry, D. (2023). *Participation électorale des QPV : que nous disent les résultats des scrutins nationaux ?* <https://www.millenaire3.com/>
- Gorky, A. M. (2016). About fools and other things. In *Red Gorky: selected articles (1895–1917)* (pp. 245–262). Common Place. (In Russian).
- Gudina, Yu. V. (2003). Russian electors' activity: theoretical models and the practice. *Polis. Political Studies*, 1, 112–122. (In Russian).
- Havryliuk, D. Yu. (2022). The specifics of the phenomenon of absenteeism as a consequence of a crisis of confidence in political institutions in Ukraine. *Contemporary Europe*, 3, 76–91. (In Russian).
- L'absentéisme politique (1969). *Courrier hebdomadaire du CRISP*, 429(3), 1–26.
- Lewada, J. (1992). *Die Sowjetmenschen 1989–1991. Soziogramm eines Zerfalls*. Argon.
- Malysheva, N., & Vereshchagina, M. (2019). Absenteeism in modern Russia: problems and solutions. *Innovative Technologies of Management and Law*, 3(26), 34–38. (In Russian).
- Oswald, I. (1996). Über die Wandersage vom «homo sovieticus». In Clausen (Hrsg.), *Gesellschaften im Umbruch* (pp. 661–673). Campus Verlag.
- Paré, I. (2018, Septembre 23). *L'abstention, deux points de vue*. Le Devoir.
- Prelot, M. (1935). Absentéisme. In *Dictionnaire de sociologie*. Vol. II (p. 83). Librairie Letouzey et Ané.

- Quartiers prioritaires de la politique de la ville (2025). INSEE.
<https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c2114>
- Quelle est la signification de l'abstention? (2022, Juin 21). Vie publique. <https://www.vie-publique.fr/fiches/23958-quelle-est-la-signification-de-labstention>
- Robert, P. (1953). *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Presses Universitaires de France.
- Starysh, A. R. (2022). Political absenteeism as a form of political participation. *StudNet*, 6, 6975–6984. (In Russian).
- Tilly, Ch. (2010). *Contention and democracy in Europe, 1650–2000* (Trans.). Higher School of Economics Publ.
- Van Reybrouck, D. (2013). *Tegen verkiezingen* (Trans.). Ad Marginem Press.
- Yanitsky, O. N. (1992). The development of environmental movements in Western and Eastern Europe. *Sociological Studies*, 1, 32–39. (In Russian).

Информация об авторе

Лейбович Олег Леонидович
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой культурологии
и философии
Пермский государственный институт культуры
Российская Федерация, 614000, Пермь,
ул. Газеты Звезда, 18
ORCID: oooo-0001-5191-939X
Web of Science ResearcherID: R-4154-2016
Scopus AuthorID: 57191610916
e-mail: oleg.leibov@gmail.com

Information about the author

Oleg L. Leybovich
Dr. Sci. (History), Professor,
Head of Cultural Science
and Philosophy Department
Perm State Institute of Culture
18, Gazety Zvezda St., Perm, 614000,
Russian Federation
ORCID: oooo-0001-5191-939X
Web of Science ResearcherID: R-4154-2016
Scopus AuthorID: 57191610916
e-mail: oleg.leibov@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 12.06.2025
Принят к публикации / Accepted 20.08.2025